

Вышний Волочек

В главе «Тверь» мы упоминали о путешествиях на самолетах и поездах, предпочитая им автомобиль. О речном транспорте, самом древнем, вспомнили лишь мимоходом, в главе «Клин», узнав из газеты, что кто-то путешествует по нашему маршруту на яхте. А между тем были времена, когда иного транспорта и не было. Конечно, древний человек тоже мог махнуть на все рукой, выйти из стойбища и пойти куда глаза глядят. Но, даже если верхом на лошади, далеко ли мог уйти? Кругом болота, топи, непроходимые леса. А о том, чтобы с собой прихватить что-нибудь тяжелое, не могло быть и речи. Поэтому люди стали использовать естественные дороги – реки. Проблема только в лодке, а уж река сама всё за тебя сделает. Так появились первые водные пути и в Древней Руси. С её просторами, они играли исключительную роль. Кто не знает знаменитый речной путь *из Варяг в Греки*, вдоль которого возникли древнейшие русские города, включая Киев, Чернигов, Новгород?

Но вот в XI веке что-то недоброе произошло во взаимоотношениях Новгорода с Приднепровьем, и тогда основным поставщиком хлеба для новгородцев становится плодородное Владимиро-Суздальское ополье, а водный путь, связывавший Новгород с Волгой, оказывается важнейшим в экономическом отношении. Дело в том, что почвы и климат Великого Новгорода не позволяли выращивать хлеб в достаточном количестве, в то время как население Республики все увеличивалось.

Итак, сначала торговцы попадали из Волги в Тверцу. Затем поднимали ладьи на веслах и конной тягой к самому ее истоку. После этого надо было как-то перетащить ладьи на десятиверстное расстояние до реки Цны и уже по ее течению попасть в озеро Мстино. Потом из этого озера попадали в реку Мсту, которая, кокетливо виляя по новгородским землям, попадала в озеро Ильмень. Представляете, какой труд?! Сейчас даже историки не могут разобраться: кто, как и что здесь

волок. Известно только, что волокли в конкретном месте. И вот у этого места скапливалось множество разного люда, так что поселение здесь возникло само собой, и название – тоже.

Когда спустя несколько веков Петр Первый основал новую столицу, то для ее жизнеобеспечения примитивного волока было уже недостаточно. А мы знаем, что великие личности равнодушны к каналам. Поэтому Петр, как и подобает реформатору, решил вопрос кардинально: «Будем копать!» Вот тогда и началось здесь строительство каналов под личным контролем царя. Завершилось мероприятие лишь в начале XIX века созданием Вышневолоцкой водной коммуникации – великого российского водного пути, который, по утверждениям видных гидрологов, «огромностью и важностью своих средств и пользой превосходит все подобные в мире».

Сегодня Вышний Волочок сравнительно большой город. В нем проживают семьдесят пять тысяч жителей. Ровно в сто раз больше, чем в Выдропужске. Мне рассказывали, будто Петр хотел построить здесь уменьшенную копию Петербурга или нечто на то похожее. Во всяком случае, здесь есть очень красивые постройки, включая гостинный двор, наподобие питерского, только в Волочке не успели достроить второй

этаж. Отметим также и вышневолоцкий драматический театр, которому как раз в дни нашего путешествия исполняется ровно 100 лет. Мэром города, как мне сообщили, недавно избран молодой человек, с которым горожане связывают свои лучшие надежды. И действительно, новый мэр первым делом начал мести улицы, сделал косметический ремонт фасадов в центре города и добился, чтобы в срок выдавали зарплату работникам бюджетной сферы. Это уже немало.

Мэры таких вот городов становятся ключевыми фигурами в политике. Конечно, по телевизору и в центральной прессе еще мелькают политики столичные, но это потому что само телевидение – столичное, а еще – по инерции, по привычке. Получилось, что после крушения великих идей и всемирно-исторических целей нынешнее кремлевское начальство (оставаясь в сущности советским) вполне искренне не знает, чем бы заняться. Все основные проблемы нашей жизни уплыли в вышние волочки и вопиют именно здесь, поскольку подметать улицы, красить фасады, чинить канализацию, водопровод, убирать мусор и все прочее – надо не в Кремле, а там, где живут люди. При этом, как выяснилось, народ наш совсем не интересуется принципиальный для кремлевских политиков вопрос, кто именно эти улицы подмел – коммунист, демократ или вообще беспартийный.

Оказывается, это не имеет никакого значения, как и в случае если бы вас обокрали или, хуже того, ударили по голове: уверяю, вы бы в самую последнюю очередь стали интересоваться политическими взглядами вора или бандита. Если, конечно, вы психически здоровый человек. Сегодня провинциальные начальники если и смотрят на Москву, то больше как на субъект деятельности московского мэра, который отличается от всех прочих именно тем, что он – мэр столицы. Каким-то образом ему удалось добиться видимых улучшений жизни и быта москвичей на фоне ухудшения жизни и быта остальной России. Это традиционно возмутило всех остальных провинциальных начальников, но ненадолго, потому что, как бы там ни было, чтобы остаться у власти, что-то все же надо делать.

Говорят, что в Москве сосредоточены 80 процентов всей денежной массы страны, а сам московский мэр очень неразборчив в средствах для достижения целей, что он якобы не раздумывает особенно над тем, кто именно хочет чего-то куда-то вкладывать. Он им всем будто бы говорит: «Меня не волнует происхождение ваших капиталов, но только половину давайте на поликлинику или школу. Если же вы уж совсем бандиты – то давайте на кольцевую дорогу вокруг столицы, а там, когда построим, уже и черт не разберет».

Действительно, на гладком шоссе при хорошей скорости, кому в голову придет задумываться о происхождении денег на строительство того, по чему в данный момент едешь? В Германии и Гитлера добрым словом поминают: мол, бесноватый-бесноватый, а дороги построил! И, посмотрите, в то время как кремлевских начальников на каждом углу к месту и не к месту клянут, – в московских интеллигентских кругах всерьез обсуждается проект будущего памятника: с кепкой, без кепки, с футбольным мячом, с теннисной ракеткой, на лошади...

Постепенно провинциальные начальники, глядя на Москву, начинают этот опыт принимать как единственный в сложившейся ситуации. Конечно, здесь есть много вопросов, включая самые неприятные и скользкие, но ведь остаться у власти в городе только с помощью рекламной кампании и участия в молодежных дискотеках нельзя, это все-таки не выборы президента. И вот то из одного города, то из другого доносятся слухи о том, что там метут улицы и даже моют

их специальными машинами, чего уже давно не было. Народ доволен. Но недолго.

Через некоторое время начинается ропот: дескать, власти воруют, наглюют и безобразничают, а наводимая чистота лишь для отвода глаз, и с помощью таких дешевых трюков они делают вид, что о народе заботятся. Поэтому подметание и помывку города очень важно дополнять всевозможными покрасками фасадов, ремонтом скамеек в садах и парках, бочками с квасом в жаркие летние дни, а также плановыми праздничными мероприятиями и наличием футбольной (или хоккейной) команды. Самое же лучшее для начальника – обустройство дорог. Но это под силу лишь очень амбициозным руководителям, готовящимся войти в историю. Выше строительства дорог только рытье каналов, но это не актуально. Пока.

За улучшение жизни горожан надо браться сразу же после избрания, чтобы они почувствовали тенденцию. Затем, со ссылкой на разрушительные действия и саботаж сторонников прежней администрации, можно допустить временный спад подъема, после чего надо вновь активно приступить к дальнейшему улучшению, превращая его из тенденции в фактор. При этом не надо забывать о конкурентах. Их бесстыдство и наглая ложь доходят в предвыборных кампаниях до немыслимых размеров и способны внести серьезные коррективы в благороднейшие планы.

Так, один из кандидатов в одном из городов пообещал в случае своего избрания построить в городе зоопарк и даже привез откуда-то первых питомцев: двух здоровенных волков и одну гадюку – других зверей обещали дать сразу после победы. Рейтинг кандидата вмиг поднялся на немыслимую высоту и угрожал всей местной иерархии. Тогда властями были подключены интеллектуалы, и кого-то даже выписали за большие деньги из Москвы. Этот «кто-то» привез с собой еще какого-то суперпрофессионала, игравшего ключевую роль в избирательной кампании одного из кандидатов в президенты. Этот суперпрофессионал сразу же предложил властям поддержать идею кандидата, но обратить внимание в общем-то мирного населения на то, с каких именно животных начинает свою деятельность возможный будущий мэр. «Да и животные ли это – волки с гадюками?» – ставился

вопрос. Пошли статьи, в которых план создания зоопарка в целом одобрялся, но начинать, по мнению властей, надо все-таки с животных благородных и мирных, типа жирафа или бегемота, но никак не с гадюк. И тогда народ засомневался, а рейтинг кандидата стал падать. После этого защитникам волков и змей (а нашлись и такие) объяснили, что этих невинных животных уже давно разыскивают соответствующие инстанции, следовательно, они краденые, а это уже совсем иной разговор. Словом, власть осталась у власти, но тема зоопарка в городе уже не затухает, и, видимо, его придется строить. Вот так, постепенно, с помощью демократических процедур, может улучшаться наша жизнь. И, кто знает, может, таким образом жители Медного получают наконец не только право на помывку в бане, но и возможность им пользоваться. Кстати, какова цена права, которым нельзя воспользоваться?

Вот какие мысли пришли мне, когда я проезжал мимо нового и роскошного здания городской вышневолоцкой администрации. Никаких музеев, библиотек и Домов культуры я здесь не искал, а побывал лишь в ресторане, с самой прозаической целью – поесть, да перед тем зашел в местный ЗАГС, находящийся через дорогу.

Все загсовские процедуры, в моем представлении, являются пережитком бюрократической глупости, которую дополнили еще и пустыми внешними эффектами вроде вальса Мендельсона. Как смешны и ужасны очереди из женихов при галстуках и невест в белых нарядах: сначала пару месяцев перед бракосочетанием, затем пару часов на самом бракосочетании. Вот они под заезженного Мендельсона идут к столу, выслушивают скучные казенные напутствия, надевают друг другу кольца и неуклюже расписываются: дескать, теперь всё можно... Затем фотограф делает семейный портрет с родителями и свидетелями, причем, посмотрите при случае – какие все сосредоточенные, серьезные. Потом женихи выносят на руках своих тяжеленных невест (уже жен) и куда-то их несут. Там их ждут друзья, товарищи и знакомые с шампанским и автомашинами, разукрашенными аляповатыми ленточками и цветочками. Помню, проходя мимо такого кортежа, я наблюдал трогательную картину: здоровенный детина, весь в наколках и с папиросой в зубах, привязывал голубенькими ленточками детскую куклу к капоту машины. Он причесывал эту куклу своей расческой, поправлял здоровенными ручищами на ней платице, затем отходил на несколько шагов, с серьезным видом и прищуром оценивал, потом подходил и вновь причесывал, еще и еще раз что-то поправлял... Есть, согласитесь, в этой идиллии что-то нездоровое. Не зря ЗАГСам уделялось такое внимание со стороны советских властей, которые своей целью ставили строительство в том или ином городе Дворцов бракосочетания.

В Вышнем Волочке такого дворца нет. ЗАГС расположен на первом этаже обычного пятиэтажного дома. Когда я вошел, очереди на процедуру бракосочетания не было, и работники учреждения – Марина и Елена – согласились рассказать о положении дел в городе, как говорится, «через призму» работника ЗАГСа.

– У нас здесь все просто, – говорит неторопливо Марина красивым высоким и завораживающим голосом. – Мы ведь имеем дело с судьбами людей: от рождения до самой смерти, как бы сопровождая их всю жизнь. Мимо нас пройти нельзя. Поэтому каких-то дискуссий о том, как живут люди, мы не ведем. У нас все отражается в папочках,

документах, а храним мы их много-много лет. У нас здесь – всё очевидно. Мы очень зависимы от экономической обстановки в стране. Есть у людей деньги – много свадеб. Нет денег – много разводов и смертей. Мужчина, не способный устроиться на хорошую работу и содержать семью, у нас обычное явление. Таковых сейчас большинство. Естественно, это ведет к снижению браков и, соответственно, рождаемости.

По словам работников ЗАГСа, в Волочке увеличилось число одиноких мам. Мотивируют это тем, что содержать ребенка легче, чем содержать еще и мужчину, которого надо одевать, кормить и поить.

– У нас в городе сейчас стоит все производство, за исключением, кажется, хлопчатобумажного комбината, который тоже вот-вот встанет... Вот, посмотрите...

Марина достала учетные папки с актами регистрации браков за разные годы, и из этих данных я составил таблицу.

Годы	Заключено браков	Расторгнуто
1957	917	158
1968	704	211
1991	600	284
1995	395	339

Вот такая статистика. И в текущем 1996 году свадеб будет здесь меньше, а разводов – больше, или, говоря казенным языком, тенденция сокращения заключения браков сохраняется. Сами Марина и Елена тоже не замужем. Елена – «мама одиночка», а Марина была замужем, но развелась по все тем же причинам, о которых сама и поведала. Разводили ее здесь же, коллеги по работе. Зарплата в ЗАГСе чисто символическая, и работают женщины, по их словам, на голом энтузиазме. Что говорят люди, когда приходят в ЗАГС? Да ничего особенного. Половина невест находятся, как говорится, в положении. Просто садятся, оформляют документы, платят пошлину за регистрацию брака – 75 тыс. 500 рублей – это минимальная месячная зарплата. После этого им назначают день, когда прийти на регистрацию. При регистрации всем им говорят одинаковые слова и

для всех одинаково играет Мендельсон, хотя аппаратура, по словам Марины, находится в плачевном состоянии, и если вдруг знаменитый марш во время церемонии прервется, то это будет недобрым предзнаменованием для супружеской пары. Поскольку город расположен на островах – «Волочок – Венеции клочок», – то после регистрации молодожены едут в специальное место, где новоиспеченный муж должен в знак верности пронести возлюбленную то ли через три, то ли через четыре моста. Или есть знаменитая в этих местах Лазурная гора, на которую ведет лестница. По этой лестнице жениху надо поднять невесту на самый верх и там выпить с нею шампанское. Все эти романтические процедуры существуют для тех, кто вступает в брак впервые. Расписываются также и пожилые люди, которым легче коротать век вдвоем. Потихоньку придут, распишутся и так же незаметно, без Мендельсона, уходят.

– Есть тут у нас еще кое-что любопытное, от чего становится страшно, – рассказывает Марина. – ЗАГС ведь не только женит людей.

Она подошла к стеллажам, на которых стояли папки с регистрацией рождений и смертей жителей Волочка за последние сто лет. Марина диктовала, а я лишь успевал записывать цифры, из которых также составил простенькую таблицу. Так нагляднее:

Годы	Родились	Умерли
1957	1479	600
1990	764	1222
1995	497	1530

Но больше озвученных цифр производят впечатление безмолвные и безучастные папки: те, в которых содержались документы, регистрировавшие рождаемость, становились все тоньше и тоньше, а в которых регистрировалась смерть – всё толще, и какой будет папка в текущем году нетрудно догадаться. Судя по всему, она станет самой толстой папкой на стеллажах вышневолоцкого ЗАГСа. А ведь это первый и единственный ЗАГС, где я познакомился с подобной статистикой. Что же в других? Конечно, для какого-нибудь демографа эти цифры ничего не значат. Он и здесь усмотрит свою динамику и

объяснит все с позиции науки. Один приятель мне сказал, что в маленьких деревнях Германии – то же самое: рождаемость падает. Но Вышний Волочок – не маленькая деревня, а по масштабам той же Германии – приличный город.

Вышневолоцкие женщины – Марина и Елена – называют это вырождением нации или ее намеренным уничтожением.

– Мы можем только нам всем посочувствовать, – говорят они.

Я вышел из ЗАГСа, наверное, в таком же смятении, какое испытал в Вышнем Волочке Радищев, и направился через дорогу к ресторану, мимо старушек, которые здесь же, на тротуаре, продавали свой печальный хлам: старые чулки, носки, какие-то катушки с нитками, моточки резинок для трусов, старые башмаки, шапки, валенки, маленькие зеркала, какие-то штаны. Кое-кто из них продавал еще и головки чеснока...

Ресторан расположен на втором этаже нового кирпичного здания с нетипичной для города архитектурой. На первом этаже находится продуктовый магазин, а перед зданием – стоянка для автомобилей, огороженная массивными цепями. В самом ресторане – полумрак, звучит легкая музыка, на одной из стен мигает цветная гирлянда.

В ресторане, кроме меня, находились еще семеро молодых людей. Все они были примерно одного возраста, крепкие, аккуратно подстриженные, одеты в свитера и кожаные куртки. Несмотря на то что сидели они за разными столиками, было видно, что все друг другу знакомы. За стойкой бара работал совсем молоденький бармен. Он был чисто и опрятно одет, безукоризненно побрит и подстрижен и, что приятно, с интеллигентными манерами общения. Позже я заметил, что и его коллега выглядел точно так же.

Я сделал заказ и попросил кого-нибудь из руководства, объяснив, что хочу задать несколько вопросов о ведении бизнеса в сложное переходное время. Мне неожиданно пришла идея встретиться с человеком преуспевающим, крепко стоящим на ногах и отличающимся от всех моих собеседников в нашем путешествии.

Через несколько минут ко мне подошла высокая стройная блондинка в светлом пиджаке и представилась администратором ресторана. Администратор – не хозяин, но в ведении дела разбирается не хуже, а уж повседневные дела знает, пожалуй, лучше, иначе зачем администратор. И вот Татьяна Николаевна, так зовут администратора, рассказывает мне о городе, о работе, о жизни, при этом не забывая о своих обязанностях, делая по ходу нашей беседы распоряжения и замечания своим работникам.

Сам ресторан принадлежит местному крупному частному предприятию. Особых доходов этому предприятию он не приносит, но служит важной представительской частью бизнеса, когда надо кого-то хорошо угостить, провести встречу на уровне, наконец, просто отдохнуть. Ведь на деловые встречи к местным бизнесменам приезжают отовсюду. Кроме того, ресторан находится прямо на оживленной трассе, и сюда, зная добросовестность местных кулинаров и расторопность официантов, заходят перекусить многие состоятельные путники. Татьяна Николаевна работает в ресторане три года. До этого пятнадцать отработала в сфере обслуживания, где начинала с самых низов. Теперь она фактически один из заместителей директора. Семья у Татьяны Николаевны большая. Муж, двое сыновей, один из которых уже отслужил, а другой готовится к службе в армии, и шестилетняя дочь. Есть еще родители. На предприятиях Волочка зарплату постоянно задерживают, текстильные фабрики стоят, заводы – *«Парижская коммуна»* и *«Девятое января»* – практически стоят, филиал мытищинского машиностроительного завода, на котором работает муж, функционирует три дня в неделю. Держится еще стекольный завод, на котором выпускают бутылки. Муж зарплату не получает уже три месяца, старший сын – два. А ведь всем надо как-то жить. Родителям надо помогать: им пенсию тоже не платят вовремя. Так что всё держится на Татьяне Николаевне, а сама она – на крепких нервах и силе воли...

Вы, конечно, заметили, что, проехав почти половину пути, мы в основном встречались и беседовали с женщинами. Исключение составили клинский офицер и немолодой главный редактор в Торжке. Все остальные герои повествования – российские женщины, которые

тащат на себе всю нашу жизнь. Везде, где концентрируются напасти и людские беды, где возникают житейские проблемы и невыносимые условия существования, – выдвигаются женщины. Уязвленный безысходностью и униженный никчемностью, мужской организм либо разваливается, превращаясь в безвольную и бесхарактерную жижу, либо делает из потенциального главы семьи одинокого хищника, потерявшего человеческий облик. Только женщина, у которой инстинкт самосохранения подчинен еще и высшей цели – продолжению и сохранению рода человеческого, – способна выстоять в сложившихся условиях. У нее на руках дети, и она, отбросив остальное, в том числе мужчин, выдержит всё, чтобы их сохранить. И вот одна лечит больных и немощных в сельской больнице, другая собирает беспризорных детей, третья – по крупицам восстанавливает историю родного села, четвертая этим селом руководит, пятая ищет уникальный материал и пишет книгу, шестая руководит школой, находит средства, чтобы кормить детей... Сколько еще таких!

Старший сын Татьяны Николаевны был призван в армию и оказался в Чечне. Она, бросив все, поехала туда его искать, чтобы забрать домой с несправедной войны. Нашла и забрала. Это самый больной вопрос для Татьяны Николаевны, и она не хотела бы об этом говорить вообще. У нее стали краснеть глаза, но выступить слезам она не позволила, дав понять, что эта тема закрыта.

Надо сказать, что на официальном уровне эта тема уже давно закрыта, да и пресса, вкупе с аналитиками, перешла к другим, более актуальным политическим вопросам.

«Да, нас втянули в кровавый конфликт, потому что нашлись силы, которые были заинтересованы в насилии. В итоге “партия войны” оказалась сильнее “партии мира”, что стало следствием интересов крупного капитала в этом регионе, к тому же надо было сохранить целостность и конституционность... Да, воевали и убивали, но в конце концов возобладал здравый смысл. Стороны сели за стол переговоров и установили мир. А знаете, как трудно установить мир? Знаете, какие силы задействованы на то, чтобы мир сорвать, а войну продолжать? А какие провокации, какие выпады? И тем не менее мир установили.

Теперь надо решать другие задачи», – примерно таков поствоенный официозный лейтмотив.

Постойте! А что делать со всеми этими «объяснениями» и как со всем этим жить матерям, у которых погибли в Чечне сыновья? А как сами эти погибшие мальчики? На чей счет отнести все эти несостоявшиеся жизни, которые на армейском казенном языке именуется как «учтенные потери»? Может, на счет таких же парней из Чечни, в которой погиб каждый десятый ее житель? Каждый десятый! Вот стихотворение местного поэта Аркадия Петрова, опубликованное во втором номере тверского журнала «Русская провинция» за 1996 год:

*В день по сколько убивают –
объявляют как погоду,
столько ранено, убито,
обстреляли столько раз,
как в душе мозоль сухую
набивают у народа,
чтобы нам уж и не чують,
как с земли изводят нас...*

А еще разыщите «Литературную газету» от 10 апреля 1996 года. Там опубликован дневник Анны Пясецкой, матери солдата 1974 года рождения, воевавшего и погибшего в Чечне. В этом дневнике описываются все мытарства матери, которая бросилась искать своего сына, живого или мертвого.

Вот она узнает, что он попал в Чечню. Каждый день звонит в штаб Воздушно-десантных войск и уже 5 января узнает, что ее сын, Николай, погиб в Грозном.

«Пять дней я ходила по квартире как тень, не могла есть, пить, оплакивала всех наших мальчиков, погибших в Чечне. А страна то праздновала Новый год, то отмечала Рождество Христово, по телевизору показывали торжественную закладку Храма Христа Спасителя. Шампанское лилось рекой, а в Чечне лились реки крови, и тела наших детей валялись, как падаль, на мерзлой земле.

Когда Сергей Ковалев обратился с воззванием к президенту, тот ответил: *"Ситуацией владею полностью, всю ответственность беру*

на себя". Этот ответ поверг меня в шок. Значит, думала я, президент знает, что на улицах Грозного лежат тысячи погибших, их уже начинают есть собаки, клевать птицы, но его это не волнует?!»

Далее мать солдата узнает, что тела ее сына нигде нет. У нее появляется святая надежда – «Может, он жив!» Она едет в Чечню и разыскивает сына в самых горячих точках этой несчастной земли. Затем ниточка поиска ведет ее в Назрань...

«...Сотни российских матерей нашли здесь приют. Матери ехали со всех концов России в поисках пропавших без вести или попавших в плен сыновей. Они находили в ингушских семьях не только приют, но и самое искреннее сочувствие. Из сотен женщин, что были в Назрани, найти сыновей живыми удалось совсем немногим...»

Не найдя своего сына в Назрани, Анна Пясецкая вылетела в Ростов-на-Дону, где собирали тела погибших, из которых опознаны лишь сорок процентов.

«...Вагоны были набиты телами российских солдат. Многих уже невозможно было опознать: обглоданные собаками, разорванные на куски, обгоревшие. Ведь прошло более месяца с начала войны. *(А война-то была более полутора лет! – авт.)* Ростов не в состоянии был справиться с этим нескончаемым потоком смерти. Кроме вагонов, на территории госпиталя стоял еще палаточный городок, палатки тоже оказались сплошь забиты телами. Собрав все свое мужество, я обошла вагоны и палатки, осматривая каждого мальчика, его лицо, волосы, а если не было головы – руки, ноги. Мой Коля приметный, у него родинка на правой щеке. Вместе со мной шли и другие матери».

Далее идет описание того, как Анна Пясецкая вместе с другими матерями искала своего сына. Полгода она находилась в центре боевых действий, не раз попадала под обстрелы и бомбежки, лишь чудом избежала смерти, пережила все, что только может пережить человек, и наконец вышла на след своего Коли. Его, по чьей-то трагической ошибке, похоронили на Алтае под именем другого погибшего солдата – Жени Гилева. И здесь – еще одна чудовищная трагедия.

«Когда "груз 200" пришел в дальний алтайский поселок, – пишет Анна Пясецкая, – родители Жени вскрыли гроб, но опознать тело было уже невозможно. Так они похоронили моего сына вместо своего. А

через полгода им пришлось хоронить второй раз, но уже родного сына... Какое-то время они лежали в алтайской земле рядом...»

У кого есть дети – задумайтесь и представьте, что довелось испытать матери и отцу (всем близким) Жени Гилева, дважды хоронивших своего сына!

Уже отыскав своего погибшего Колю, Анна Пясецкая еще полтора месяца добивалась, чтобы его тело перевезли в Москву, что очень непросто, учитывая тяжелое финансовое положение Министерства обороны и воюющего государства. Наконец, похороны...

«А что же военные? – задается вопросом мать погибшего солдата и сама же отвечает: – Да ничего. От части, где служил Коля, появился всего один представитель, гроб несли не десантники, а школьные друзья сына, денег на похороны у государства тоже не оказалось, потому что "много вас таких". Зато представитель в/ч 41450 говорил что-то о воинском долге, который выполнил мой сын. Что же это за долг такой? Государство лишило меня самого дорогого. Что еще оно потребует?»

Отвечу.

Оно, государство, потребует от вас любви и сочувствия к себе. С помощью своих прикормленных политкомментаторов, мастеров пера и ассов видеоряда они создадут и покажут умильный видеоклип, герои которого выложат перед вами кусок странного вещества, выдаваемое за изможденное заботой сердце, и предложат его к шунтированию, с тем чтобы и дальше это «сердце» могло за вас страдать, владеть ситуацией и брать на себя ответственность. И вы, глядя часами на экран, должны будете, забыв всё прочее, в том числе своё, родное, безвозвратно утерянное, – это «сердце» жалеть, понимать его и сочувствовать ему. Или не так? Не о том ли думал А.Н.Радищев:

*И се чудовище ужасно,
Как гидра, сто имея глав,
Умильно и в слезах всечасно,
Но полны челюсти отрав...*

Заокеанское светило кардиохирургии (Майкл Дебейки!) не заметило того, что заметила старенькая женщина из придорожного села: «Чего уж там лечить? У него же нет сердца!»

Лидия Графова – обозреватель «Литературной газеты», подготовившая к публикации дневник Анны Ивановны Пясецкой, сообщает, что ее, нашедшую тело своего сына Коли, многие матери пропавших без вести сыновей называли «везучей»...

А у Татьяны Николаевны из Вышнего Волочка сын жив, здоров, рядом с нею, и потому она – работающая, сильная и красивая – может считаться счастливой, в отличие от матерей Димы Бабака, Саши Антонова, Максима Нестерова, Саши Радькова и Володи Куликова, погибших в Чечне и похороненных на местном кладбище, в двухстах девяноста семи километрах от Москвы.